

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

H. Werner. Das Klassensystem in den Jenissej-Sprachen. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 1994. 193 S.

Кетский язык, единственный в настоящее время живой язык енисейской группы, является предметом постоянного интереса для общего и типологического языкознания. Узкие специалисты по кетскому языку также составляют довольно многочисленный отряд; во всяком случае, диссертаций на кетском материале защищено больше, чем по какому-либо другому из палеоазиатских языков, к которым кетский причислен. В качестве последнего примера назову превосходную работу С.С. Буторина, успешно защищенную в июне 1995 г. в Новосибирске [Буторин 1995]. Однако рецензируемая книга представляет собой нечто большее, чем еще одна единица в списке специальной литературы. Прежде всего, она базируется на материале не только кетского, но и других языков енисейской группы (хотя кетские данные, по понятным причинам, составляют львиную долю языкового материала). Автор книги, Г.К. Вернер – без преувеличения, "кетолог № 1", признанный специалист по енисейской группе, написавший, в частности, монографию о мертвом коттском языке [Вернер 1990]. Наконец, книга посвящена стержневой проблеме енисейской грамматики – категории рода или класса, категории доминантной, пронизывающей всю языковую структуру. Следует добавить, что из (живых) агглютинирующих языков Сибири кетский – единственный, который имеет категорию рода.

Предшествующие исследователи характеризовали это грамматическое явление то как категорию рода (К. Доннер, А.П. Дульзон), то как классную систему (Е.А. Крейнович); Вернер, как следует уже из заглавия его книги, также предпочитает термин "класс". Мне ближе термин "род", но, в конце концов, есть и личные терминологические пристрастия. Важно только

отдавать себе отчет в том, что "род" и "класс" – это разные наименования одного и того же, как показал в своей недавней книге Г. Корбетт [Corbett 1991]. Естественно, Вернер отдает себе отчет в этом, ссылаясь на работу Корбетта в самом начале (с. 6). Следуя авторским предпочтениям, в дальнейшем я также буду пользоваться термином "класс".

Во Введении (с. 1–12) автор излагает сведения о енисейской группе языков. Их было известно шесть (аринский, ассанский, югский, кетский, коттский, пумпокольский), они были распространены на обширной территории с примерными границами: Иртыш (на западе) – Ангара (на востоке) – Курейка (на севере) – Тува (на юге). В настоящее время живым языком является только кетский (число кетов – 1113 чел. по данным 1989 г., из них носителей языка – 60–70%). Югский язык (ранее описывавшийся как сымский диалект кетского) практически уже мертв. Коттский язык сохранился до середины XIX в., его "застал в живых" М.А. Кастрен. Остальные енисейские языки исчезли еще в XVIII в., будучи поглощены восточнотюркскими и самодийскими языками. Группа является генетически изолированной. Генетические связи енисейских языков до сих пор не установлены.

Возьму на себя смелость предположить, что эти связи, возможно, и не будут установлены. Хотелось бы обратить внимание на другое. Структурные связи енисейских языков установлены бесспорно и довольно давно, об этом писал еще Дульзон [Дульзон 1968]: это – баскский язык, кавказские языки, язык бурушаски (вершикский), американо-индейские языки; позже Дульзон справедливо сопоставлял кетские данные с данными чукотско-корякских языков. Речь идет не об отдельных "об-

щность" и материальных совпадениях (которые в конце концов могут быть и случайными), но о принципиально важных элементах грамматической структуры. Все агглютинирующие языки Евразии делятся на два типа: 1) "односторонние": агглютинация типа А, или алтайского типа (слово обязано начинаться с корня; в этом смысле финно-угорские, самодийские, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский, японский и эскимосский языки могут быть охарактеризованы как "урало-алтайские"), и 2) "двусторонние": агглютинация типа В, или кавказского типа (слово не обязано начинаться с корня, особенно и прежде всего глагольное слово; грамматические, словоизменительные категории выражаются элементами, располагающимися левее корня в линейной цепочке словоформы). К этому типу относятся как енисейские языки, так и все те, которые были названы Дульзоном. Перечисленные структурные сходства вряд ли могут быть случайными. Из них вытекают и другие следствия, например: в языках, характеризующихся агглютинацией типа В, обычно представлено полиперсональное спряжение, а также (в более или менее скрытой форме) категория рода (класса). В то же время языкам, характеризующимся агглютинацией типа А, категория рода совершенно чужда. Пожалуй, единственный намек на классификацию "живой/неживой", "человек/нечеловек" в этих языках – вопросительные местоимения "кто/что". Во всяком случае, мне не известен язык, где концепты "кто" и "что" не различались бы с помощью разных корней.

Книга Вернера, помимо Введения и Заключения, содержит четыре главы.

Глава I "Классы имен в кетском, югском и коттском" (с. 13–44), начинается с краткого изложения представлений енисейских народов об окружающем мире. Обращение к этому предмету помогает уяснить истоки интересующей нас классификации и ее основания. Автор, правда, признает, что недвусмысленного ответа, почему имена отнесены к тому или иному классу, религиозные представления сами по себе не дают (с. 18); однако он все же выводит первую дихотомию: живой/неживой. Делается предположение, что первоначально деление осуществлялось все же по другому признаку: "активный/пассивный", что скорее связано с членением процессуальных, а не предметных концептов. Что касается енисейских имен, то они первоначально делились по признаку "живой/неживой"; из них к классу "живой" отно-

силось около 10% имен, тогда как 90% составляли класс "неживой". На с. 20 перечисляются семантические группировки имен класса "живой" – всего их насчитывается 12, причем сюда входили не только наименования человека, богов и мифологических существ, животных, рыб и насекомых, деревьев и растений, небесных тел, но также и слово со значением "огонь" (составляющее последнюю группу). Категория рода (класса) в енисейских языках является "по преимуществу семантической системой" (определение Корбетта): по исходной (словарной) форме опознать классную принадлежность имени невозможно. Вернер перечисляет имена списками, сопровождая их необходимыми комментариями. Два класса имен он называет "мужской" и "женский"; членение по этому признаку возникло позже, в рамках класса "живой", однако пол при классификации существенной роли не играл. Крейнович, которого Вернер цитирует (с. 32–33), полагал, что при делении имен на классы учитывались другие признаки: (1) активность денотата, (2) его социальная значимость, (3) его размеры, (4) одушевленность, (5) целостность. Названия "мужской" и "женский" мотивированы тем, что имена, обозначающие мужчин и женщин (и те и другие, безусловно, входят в класс "живой"), попадают в разные классы. По-видимому, надо подчеркнуть, что оппозиции "живой/неживой", "мужской/женский" перекрещиваются и что класс "женский" отнюдь не совпадает с классом "неживой".

Классные противопоставления выявляются при словоизменении (это то, что Корбетт называет *target genders*). Уже знакомство с формами множ. числа показывает, что аффикс -л имеют преимущественно имена класса "живой", аффикс -п – имена класса "неживой". Это не правило, а тенденция, установленная Дульзоном в 1964 г. и в дальнейшем проверявшаяся другими исследователями на обширном языковом материале. Суммируя и анализируя результаты этих исследований, Вернер выдвигает гипотезу о том, что первоначально в енисейских языках существовала оппозиция "множественность : коллективность (или собирательность)". Множественность выражалась показателем -л, если речь шла об однородных одушевленных предметах; в остальных случаях употреблялись собирательные формы с показателем -п (с. 51). Этим объясняется то, что форму на -п принимают и имена класса "живой": так, слово *ke?l* "человек" имело форму множ.

числа *kaʔi* и собирательную *d'eʔŋ*, которая в современном (кетском) языке означает "люди", а форма *kaʔi* сузила свое значение до "дети (одной матери)".

Существенную часть главы II, посвященной морфологии имен и местоимений (с. 45–84), занимает анализ системы склонения.

Наиболее отчетливо классные противопоставления у имен выражаются в формах косвенных падежей: падежные форманты слов мужского класса маркируются показателем *-a*, женского – показателем *-i*. Состав падежной парадигмы в разных описаниях нестабилен, особенно если речь идет о разных енисейских языках: в них выделяли от 8 до 11 падежей; известна работа, где доказывается, что кетский язык – беспадежный (Валл, Канакин 1985). В рецензируемой книге Вернер постулирует наличие для кетского 12 падежей, для югского – 11, для котского – 10 (с. 55–56). Падежная парадигма неоднородна: половина падежей имеет специальные маркеры класса (генитив, датив, бенефактив, аблатив, адессив, вокатив), другие падежи класса не различают (абсолютив, локатив, прозекутив, комитатив, каритив, инструменталис). При этом последняя группа представляет собой более архаичное явление, диахронически они возникли первыми. Их семантика указывала на состояние денотата вне зависимости от того, живой он или нет. Этим объясняется отсутствие у них классных различий (с. 70). Сопоставление падежных форм, которые эти различия выражают, позволяет выделить три типа склонения: неживой (неодушевленный), мужской, женский. Заданы их различительные признаки:

1 (неживой) а) падежные показатели в ед. и во мн. числе идентичны; б) падежи, различающие класс, маркированы показателем *-i*; в) отсутствует вокатив;

2 (мужской) а) падежные показатели различаются в ед. и во мн. числе¹; б) падежи, различающие класс, маркированы показателем *-a*; в) отсутствует локатив (исключая югский);

3 (женский) а) падежные показатели в

ед. числе маркированы показателем *-i* (как в 1 склонении); б) во мн. числе те же падежи маркированы показателем *-a* (*-naʔ*), (как во 2 склонении); в) отсутствует локатив (как во 2 склонении).

Все эти признаки суммированы в схеме на с. 60. Вернер признает, что женский класс в формальном отношении уязвим, т.к. специально он не маркирован ни в ед., ни во мн. числе, в отличие от мужского или неживого; тем не менее, известные структурные основания для выделения этого типа склонения имеются.

Личные местоимения замещают только одушевленные имена (класс "живой"). Классные различия обнаруживают местоимения 3 л. в формах косвенных падежей, ср. кет. *bu* "он/она", но *budata* "для него" – *budita* "для нее". В отдельных енисейских языках эти различия усматривались в словарных формах указательных местоимений, например, котт. *in'u* "этот", *in'a* "эта", *ujo*: "тот", *un'a* "та"; ср. также вопросительные местоимения, кет. *bis'elbes'a* "кто (муж/жен)". Показатели классов восходят к реконструируемому Вернером личным местоимениям **a* "он", **i* "она".

История формирования падежной парадигмы рисуется следующим образом. Первыми образовались падежи, не различающие класса, они упомянуты выше. Вернер называет их падежами первой группы. Они возникли в эпоху енисейской общности, что доказывается материальной близостью их экспонентов. Падежи второй группы, различающие класс, возникли позднее, на базе генитива, имеющего форму *-da* (муж.), *-di* (жен.). Морфологический сегмент *-d* в этих морфемах Дульзон считал выражением концепта "живой", тогда как "неживой" остался немаркированным. Наиболее вероятная исходная модель: *or-da-fiʔp* "отец-его-сын", на базе которой возникли формы активного падежа (позже переосмысленного как генитив) *obda-fiʔp* "сын отца" и притяжательные формы типа *dafiʔp* "его-сын".

Довольно много места уделено полемике с концепцией Валл – Канакина, которые предлагают описывать кетский язык как ролевой, не имеющий категории падежа (с. 63–71). Эта полемика представляется чересчур запальчивой, а потому малоубедительной. Пожалуй, не следовало бы заявлять, что эти авторы утверждают, будто описание енисейских языков, особенно кетского, по моделям референциальной и ролевой грамматики – единст-

¹ На это я должен заметить, что в енисейских языках, как в языках агглютинирующих, падежные показатели стандартны, т.е. идентичны всегда, ср., например, показатель аблатива *-ŋ aʔ*, который вычленился из *-d-i-ŋ aʔ* (1 склонение), *-d-a-ŋaʔ* (2 склонение ед.ч.), *-n-a-ŋaʔ* (2 склонение мн.ч.). То же можно продемонстрировать на любом другом падежном показателе.

венно возможное и единственно правильное (с. 86). Они утверждают как раз обратное: подобное описание — одно из возможных. Не следовало бы и комментировать кетский пример *ad sabat sul* (наряду с *sul-diŋa*) *desomdaq* "я одежду на-нарту положил" (транскрипция Валл — Канакина) [Валл, Канакин 1985] словами "никогда кеты так не скажут". Полагаю, что кеты могут сказать все, что угодно; думаю так, исходя из собственного опыта полевой работы с языками, сходными с кетским в том, что они (а) не нормированы (существуют только в устной форме), (б) находятся в критическом состоянии, угасают. Когда мы описываем подобные языки, "норму" для них мы вырабатываем сами, для самих себя, даже и не подозревая об этом.

Центральной, "стержневой" в книге мне представляется глава III, "Категория класса в системе глагольных категорий енисейских языков" (с. 85–125). В этой главе излагается гипотеза формирования енисейской грамматической системы и формулируется тезис о переходном характере этих языков — от активного типа к номинативному.

Каждый, кто знаком с кетским языком, знает, что в системе спряжения глагола различаются аффиксы двух групп (рядов, серий), обозначаемых как Д и Б. При этом показатели серии Д чаще являются экспонентами субъекта действия, тогда как показатели серии Б выражают и субъект и объект, но в роли экспонентов агенса не выступают. Вернер утверждает, что первоначально все было наоборот: аффиксы Б репрезентировали агенса, аффиксы Д — пациенс; они однозначно ассоциированы с двумя рядами местоимений — личными и притяжательными соответственно. Аффиксы Б были связаны с активными глаголами (процессами), аффиксы Д — с пассивными (состояниями). Выдвижение аффиксов Д в современных языках на преимущественную роль экспонентов агенса в полиперсональных (переходных) глаголах Вернер объясняет кардинальной сменой типологии от активной к номинативной, причем этот переход не завершился. Этот вывод доказывается на обширном языковом материале и выглядит вполне убедительно.

Когда енисейские языки были еще языками активного строя, переходных глагольных форм в современном понимании не существовало, объект действия, выражаемый этими формами, был не прямой, а ближайший, индифферентный к оппозиции "прямой/непрямой" и наминающийся ско-

рее непрямой, косвенный объект (с. 113). В этой функции выступали аффиксы серии Б, которые исторически были соотнесены с агенсом. Впоследствии, с развитием категории переходности, аффиксы серии Б, наряду с аффиксами серии Д, стали употребляться для выражения прямого объекта. Ближайший объект был переосмыслен в прямой (в связи с этим приводятся уместные типологические параллели с данными абхазского языка, с. 103–104). Далее Вернер указывает, что в современных языках ряды *ba-a-i* и *bo-o-i*² из серии Б сохранили противопоставление по версии — интровертной и экстрровертной соответственно: если в глаголе используются показатели *ba-a-i*, действие выполняется в интересах действующего лица или ему на пользу; при *bo-o-i* — в интересах и на пользу другого лица.

Этот тезис иллюстрируется примерами (главным образом из кетского языка). Возможно, эти примеры убедят не всех. Скажем, *d-ba-ss'ivit* "он-меня-догоняет" еще можно истолковать как действие в пользу догоняющего; но *d-bo-gdaptan* "он-везет-меня (на нарте)" уже трудно истолковать как действие в мою пользу: он может везти меня и против моей воли. Для того, чтобы устранить любые сомнения, следовало бы предъявить примеры с одним и тем же корнем, где *ba-* значило бы, что действие осуществляется не в мою пользу (интровертная версия), а *bo-* — в мою пользу (экстрровертная версия). Но таких примеров, скорее всего, не существует, иначе они были бы приведены. Значит, противопоставление *ba-a-i/bo-o-i* по версии не стало фактом грамматики, а осталось на уровне лексико-семантической избирательности — вещь, весьма характерная как раз для активного строя.

Енисейские языки сохранили достаточно много реликтов активного состояния. Перечисляя их, Вернер называет, в частности, отсутствие *verba habendi* (*don-divet* "я имею нож"), отсутствие связочных конструкций (*at bol'-di* "я толстый-я"); сообщается также, что "прилагательное недостаточно отчетливо отделено от других частей речи" (с. 111–112). Все эти факты приводятся по отдельности, в ряду

² Эти и им подобные "тройки" кетологи обычно приводят в своих работах, не особенно заботясь о читателе. Полагаю не лишним указать, что это — личные аффиксы, которые означают "я — он — она" (если они выражают субъект) или "меня — его — ее" (объект).

других; на мой взгляд, они представляют элементы одной структуры, не существующие отдельно один от другого. Точно такую же картину мы наблюдаем, например, в чукотско-корякских языках: прилагательного как отдельной части речи не существует (по крайней мере, выделение его весьма спорно); слова, означающие качественный признак, в самостоятельном употреблении функционируют как предикаты чук. *ны-мэйный-гым* "большой-я", *ны-мэйный-гымт* "большой-ты" и т.д.), *набео*-конструкция выражается примерно так же, как в кетском, ср. чук. *га-қорай-гым* "я-с-олем/-ями". Сходная ситуация усматривается и в структуре категории лица; я имею в виду особое положение 2 лица.

О 2 лице Вернер пишет, что в иерархии партиципантов оно, видимо, занимает важнейшее место (с. 116) – безусловно справедливое заключение. Затем написано, что оно не было маркировано, т.к. во всех рядах обеих групп (Д и Б) 2 лицо представлено одним и тем же "нейтральным" аффиксом. Я бы так не говорил. Аффикс 2 лица действительно один – *к-/ку-*, но это вряд ли значит, что он "нейтральный". Скорее это значит, что он – независимый. Видимо, первая оппозиция в сфере лица была – второе/второе. Она послужила основой для развития дальнейших противопоставлений в этой сфере.

Центральное противопоставление – это, разумеется, противопоставление первого и второго лица (участники речевого акта). Формы 3 лица в енисейских языках выделяются еще и тем, что выражают классные различия. В иерархии партиципантов место его – третье. С этим обстоятельством Вернер связывает линейную неупорядоченность элементов в цепочке глагольной словоформы. Это наблюдается не всегда, но лишь в том случае, если в качестве объектных показателей выступают аффиксы группы Д, ср. нижеследующие словоформы (примеры из югского):

<i>d-in-di-tet</i>	"он меня побил"
<i>d-in-gi-tet</i>	"он тебя побил"
<i>d-in-dan-tet</i>	"он нас побил"

Показатель времени *-in* предшествует объективному показателю. В словоформах с объектом 3 лица последовательность обратная:

<i>d-o:n-tet</i>	"он его побил"
<i>d-id-in-tet</i>	"он ее побил"
<i>d-ib-i:n-tet</i>	"он это побил"

Эти словоформы демонстрируют три материально различных показателя класса: мужской, женский, неживой (вещный) класс. Во множ. числе различия по классу нивелируются, но порядок следования морфем сохраняется: *d-oŋ -o:n-tet* "он их побил (мужчины/женщины/предметы)".

Довольно длинный пассаж (с. 120–124) посвящен проблеме рефлексивных глаголов в енисейских языках. Вернер отрицает наличие подобных глаголов, доказывая, что в этих языках мы имеем дело с оригинальными преломлениями категорий версии и комитатива. Должен заявить, что склонен целиком разделять его точку зрения.

Завершая главу III, автор пишет, что все партиципальные категории енисейского глагола, как и ряды аффиксов Д и Б, базируются на главной дихотомии "активный/инактивный" ("живой/неживой"), и если классы в области именной лексики существуют в общем и целом как категория селективная и скрытая, то в именной и глагольной морфологии они отражены вполне отчетливо. Предикативные формы рассматриваются в главе II, посвященной именной морфологии. Классные различия в этих формах также весьма отчетливы, ср. кет. *ақта-ду* "хороший-он", *ақта-да* "хорошая-она", *ақта-м* "хорошее-это" (примеры в практической орфографии).

Глава IV "Классные различия в разных глагольных парадигмах" (с. 126–177) длиннее других, потому что в ней слишком много конкретного материала, представляющего собой уже, по сути дела, иллюстрации. Енисейский глагол весьма сложен – именно это, на мой взгляд, и является наиболее ярким реликтом активного состояния рассматриваемых языков: грамматика в глагольной системе так и не победила лексику. Об этом свидетельствует уже хотя бы список глагольных группировок, рассматриваемых Вернером в главе IV; не откажу себе в удовольствии процитировать его весь:

"Формы с аффиксами Б в функции субъекта; формы с аффиксами Д в функции субъекта; переходные глаголы с двумя рядами аффиксов Д; переходные глаголы с двумя рядами аффиксов Д, переходные глаголы с аффиксами Д в функции субъекта и аффиксами Б в функции объекта; переходные глаголы с одним рядом аффиксов Д и одним рядом аффиксов Б; переходные глаголы с двумя рядами аффиксов Д и одним рядом аффиксов Б; посессивные глагольные формы;

непереходные формы с пассивным значением; императивные формы; нерегулярные глаголы".

Для каждой из 11 вышеперечисленных групп описываются классные различия, которые прослеживаются на фрагментах парадигм или на полных парадигмах. Набор экспонентов класса невелик: для мужского – *-d, -du, -a, -bu, -o*, для женского – *-dl, -i, -bu, -u*, для класса вещей – *-dl, -b, -i, -u*; но они выступают в различных сочетаниях с разными сериями аффиксов других лиц, что порождает большое разнообразие моделей словоформ. Глагольная лексика распределяется между 11 разновидностями моделей, видимо, без остатка, исключая разве что императив, где отмечаются те же лексемы, что и в других группах. Некоторое внутреннее сопротивление вызывает у меня группировка, охарактеризованная как "глаголы с пассивным значением". Вернер говорит о категории пассива как о нарождающейся, находящейся в процессе становления; но приводимый материал свидетельствует, что в данном случае мы имеем дело не с пассивом, а либо с причастными конструкциями типа "чум поставленный" (что отнюдь не значит "поставлен кем-то"), либо с результативными конструкциями ("я надел шапку" – "она на мне"), либо с дериватами, полученными в результате "вычеркивания" агенса. Типологический статус енисейских языков не позволяет применительно к ним говорить о пассиве.

В кратком и весьма информативном Заключение (с. 179–183) Вернер характеризует грамматическую систему енисейских языков как "загадочную" (этот же эпитет встречается и в начале книги). Против него хочется возразить. На первых

этапах изучения кетского языка он звучал вполне адекватно и в работах Крейновича был на месте; но в дальнейшем, по мере накопления знаний, по мере появления разных концепций описания (это тоже очень помогает!) – употребление слова "загадочный" представляется не более чем данью традиции. В конце концов, вся научная деятельность Вернера направлена на то, чтобы енисейская грамматическая система перестала быть загадкой, и на этой стезе автор достиг несомненных успехов. Рецензируемая книга Вернера является итогом его многолетних изысканий; она хорошо подготовлена всей предшествующей работой не только самого автора, но и других специалистов-кетологов. Это заметный шаг в развитии енисейского языкознания, причем шаг не только вперед, но и вверх.

С 1992 г. Г. Вернер живет и работает в Германии, и за это время опубликовал, помимо рецензированной, еще одну монографию по енисейским языкам. Хочется пожелать ему новых книг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буторин С.С. 1995 – Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения. Дис. ...канд. филол. наук. Новосибирск, 1995.
- Валл М.Н., Канакин И.А. 1985 – Категории имени в кетском языке. Новосибирск, 1985.
- Вернер 1990 – Коттский язык. Ростов-на-Дону, 1990.
- Дульзон А.П. 1968 – Кетский язык. Томск, 1968. С. 579–607.
- Corbett G.G. 1991 – Gender. Cambridge, 1991.